

На правах рукописи

Алексамян Армен Гургенович

003453722

Процесс инкультурации

манихейства в Китае

Специальность 09 00.03 — история философии

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Москва

2008

Работа выполнена в Центре сравнительного изучения цивилизаций
Восточной Азии
Учреждения Российской академии наук
Института Дальнего Востока РАН

Научный руководитель доктор исторических наук

Горбунова Светлана Алексеевна

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор

Буров Владилен Георгиевич

кандидат филологических наук,

Шапиро Роман Георгиевич

Ведущая организация: Институт Востоковедения РАН

Защита состоится 26 ноября 2008 года в 15⁰⁰ часов на заседании Совета Д
212 198. 05 по философским наукам при Российском государственном
гуманитарном университете по адресу. 125267, ГСП-3, г Москва,
Миусская пл , д 6, ауд 228

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Российского государственного гуманитарного университета

Автореферат разослан «23» октября 2008 г

Ученый секретарь Совета

кандидат философских наук

С А Коначева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В истории философии и религии, как и в других областях гуманитарного знания (культурологии, истории, социологии), область контактов Китая с культурами различных стран представляет на сегодняшний день одну из интереснейших научных проблем. Проблема проникновения в Китай инородных философско-религиозных учений не была детально и многоаспектно рассмотрена в силу долгое время господствовавшего (преимущественно в популярной литературе) мифа о «тотальной культурной изоляции» Китая. Тем не менее, попытки такого рода предпринимались учеными, среди которых можно назвать выдающихся французских синологов Поля Пелльо и Эдуарда Шаванна, впервые обратившихся к феномену манихейства в Китае, японского исследователя китайского несторианства Есиро Сазки, русского китаиста о Палладия (Кафарова) и многих других. Несмотря на эрудированность этих ученых, изыскания, как правило, ограничивались либо изданием текстов и комментированным переводом, либо общим историко-культурным обзором, просто констатирующим присутствие того или иного культурного феномена в Китае, не прослеживая, по большей части, механизма их проникновения, адаптации (или отторжения — частичного или полного) и возможного влияния на китайскую культуру. Поскольку в нашей стране нет специальных трудов, посвященных манихейству в Китае (в частности, проблема лишь обозначена в коллективной монографии «Китайский этнос в средние века (VII–XIII)» (авторы — М В Крюков, В В Малявин, М В Софронов), а манихейские тексты на китайском, найденные в Дуньхуане, не переведены и, соответственно, не введены в научный оборот), то представляется целесообразным заявить, что эта диссертационная работа представляет из себя первое в отечественном китаеведении (в сфере истории философии и религии) исследование, посвященное проблеме инкультурации инородных философско-религиозных учений в Китае (на примере манихейства). В научный оборот впервые вводятся обнаруженные в Дуньхуане в начале XX в манихейские тексты на китайском языке, дается очерк истории и развития манихейства в Китае, доктринальных особенностей китайского варианта этого учения, выявляются механизмы инкультурации инородных религий (философско-религиозных течений) в идеологическое и социокультурное тело Китая,

исследуются аспекты философского терминологического буддийского и даосского влияния на манихейство, его социальный и официальный статус, особенности контакта культур Запада (манихейство) и Востока (Китай), связь (обычно ошибочно приписываемая манихейству) с различными сектами и тайными обществами Сопоставление различных точек зрения на феномен манихейства в Китае (позиции западных исследователей (Пелльо, Шаванн, Вальдшмидт, Ленц, Шмидт-Глинцер, Лю) и китайских (Линь Ушу, Ван Цзяньчуань) и японских (Тикуса Масааки, Исида Микиносукэ) ученых) позволяет более полно осветить и понять это явление

Данная работа открывает новые возможности для выявления механизмов инкультурации иных философско-религиозных (и вообще культурных) феноменов (в частности, несторианства, ислама, зороастризма), их влияния на культуру и общество Китая

Объектом диссертационного исследования является феномен манихейства, **предметом** — историко-философский анализ механизмов и методов процесса инкультурации этого учения в Китае Манихейство — один из уникальных философско-религиозных феноменов, научный интерес к которым продиктован созданием целых междисциплинарных отраслей исследований, причин же уникальности этого явления несколько Первая, и, пожалуй, самая главная — это то, что манихейство, зародившись как маргинальное вероучение (классифицируемое как «ересь» равным образом и в регионах распространения авраамических религий, — в частности, христианства и ислама, — и в Иране, где господствовал зороастризм, и собственно в Китае, с преобладанием там буддизма), смогло со временем выйти на уровень мировых религий Вторая причина, по-видимому, не менее важная, чем первая, состоит в том, что манихейство представляло из себя учение синкретического характера (вслед за отечественным исследователем Е. Б. Смагиной под термином «синкретический» по отношению к манихейству мы понимаем не механический «сплав» разнородных элементов, но непротиворечивую и в целом последовательную систему философско-религиозных взглядов), сочетавшее в себе философско-религиозные воззрения зороастризма (бинарная оппозиция Света и Тьмы), этико-догматические установки неортодоксального иудаизма (элхаситы) и раннего христианства (аскеза, ритуальная чистота, установление института монашества, иерархическая структурированность), космолого-антропологическую модель некоторых позднеантичных философских направлений и гно-

стицизма (в его сирийском варианте), буддийскую концепцию реинкарнации (отдельные исследователи допускают не буддийское, а скорее античное происхождение идеи перевоплощения, т.н. «метемпсихоз») Третьей причиной, заставившей ученых разных направлений (от филологов-классиков и востоковедов до историков и религиоведов) тщательнейшим образом исследовать феномен манихейства, стала, на наш взгляд, его необычайная адаптивность, «смазанность» границ, легко позволявшая этому философско-религиозному учению инкорпорироваться в некоторые гетеродоксальные направления буддизма и даосизма и тайные общества в Китае, а в средние века на Западе трансформироваться в еретические, правда, но весьма «серьезные» (как по своему размаху, так и реакции официальных церковных и светских властей) течения катаров, богомилов и пр. Благодаря «переводимости» своих основных концептов и персоналий на язык культуры страны-реципиента, манихейство довольно быстро внедрялось преимущественно в низшие слои населения, не забывая при этом и о т.н. миссионерстве «сверху», т.е. пытаясь добиться благорасположения официальных властей (что удалось, в частности, в Китае вынужденные считаться со статусом манихейства как религии «освободителей»-уйгуров, власти отдали в 768 г. приказ о строительстве манихейского храма, которому было пожаловано название «Даюнь гуанмин» — «Великий облачный свет»)

Цель исследования — комплексный историко-философский анализ инкультурационного процесса манихейства в синоязычной культурной среде и выявление основных стратегий и принципов этого явления, позволяющих на первом этапе сделать попытку реконструкции этого процесса в Китае, выделить и охарактеризовать его этапы. В соответствии с этим в диссертационной работе решаются следующие задачи

1. Анализируется источниковедческая база исследования, выделяются этапы научного изучения манихейства вообще и его китайского варианта в особенности, рассматриваются основные проблемы и их решения, поставленные современными исследователями

2. Изучается философско-религиозный характер манихейства, история его эволюции, личность основателя, система манихейского учения, прослеживаются вероятные источники влияния на нее из иных философско-религиозных систем (неоплатонизм, зороастризм, иудео-христианские представления, буддизм)

3. Рассматривается история распространения философско-религиозной системы манихейства и его трансформация в Китае со вре-

мени его проникновения туда (VII в) вплоть до исчезновения (по крайней мере, согласно дошедшим до нас письменным и материальным источниками) в начале XVII в, выделяются этапы развития и инкультурации этого учения в китайский культурный контекст, анализируются вторичные, неманихейские источники (официальные хроники, доклады, полемические сочинения)

4 В историко-философском, композиционно-стилистическом, семантико-содержательном, терминологическом аспектах исследуются собственно манихейские китайские памятники (т.н. «Краткое изложение учения Мани, Будды Света», «Трактат Пельо» и «Гимны»), проводится сравнительный анализ исходной, некитайской, и собственно китайской философско-религиозной терминологии

5 На основании этого формулируется принятое в историко-философской науке понятие инкультурации применимо к манихейству, анализируется процесс инкультурации манихейства в Китае, выделяются основные его этапы, анализируются стратегии и методы манихейского философско-религиозного дискурса, намечаются перспективы дальнейшего исследования, благодаря расширению источниковедческой базы и сравнительно-исторического материала

Хронологически диссертацию можно разделить на два блока **ранне- и позднесредневековый** (II–III вв н.э. — возникновение манихейства, VII в — проникновение в Китай, начало XVII в — исчезновение официальных сведений о манихействе, условно рассматриваемое в манихееведении как исчезновение самого учения), касающийся собственно манихейства и этапов его истории и **современный** (с начала XX в до настоящего времени) — касающийся научного исследования манихейства в связи с открытием множества манихейских документов

Методологическая основа исследования. В ходе работы были использованы методы историко-философского, сравнительно-исторического, семантического (историко-филологического) и системного анализа, разработанные как отечественными (В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Е. А. Торчинов), так и западными (М. Элиаде, П. Брюдер, У. Эко) исследователями. Комплексное использование данных методов, применяемое к первоисточникам (китайским манихейским текстам), позволяет по возможности широко охватить поле исследуемой темы и, в соответствии с авторской концепцией, рассмотреть инкультурационный процесс в его историко-философском и социокультурном аспектах. Кроме того, в работе используется лексикостатистический анализ ки-

тайской манихейской терминологии, позволяющий выявить степень «зависимости» манихейства от господствующей идеологии (в данном случае — буддизма) в момент перекодировки основных концептов этого учения. Помимо этого методика данного междисциплинарного исследования включала в себя сбор и изучение источников (критические издания манихейских китайских текстов), общенаучной и специализированной литературы на китайском, английском, немецком, французском и русском языках.

Источниковедческая база. Проблема источниковедения, этот краеугольный камень любого историко-философского и религиоведческого исследования, в случае манихейства проявлялась в истории его изучения весьма однобоко вплоть до знаменитых открытий начала-середины прошлого века. Однако XX век кардинально изменил эту одностороннюю ситуацию: раскопки в районе Турфана в Восточном Туркестане, обнаружившие несколько тысяч манихейских текстов, дуньхуанские находки, открытие коптской библиотеки из Мединет Мади, греческий текст т.н. «Кельнского кодекса» — все это способствовало появлению «стереоскопического» образа манихейства. Таким образом, в руках исследователей оказались ценнейшие, аутентичные источники, позволившие (и позволяющие и по сей день) с достаточной точностью реконструировать манихейскую доктрину, структуру манихейской церкви, историю распространения и проповеди. Источники, использованные в данном исследовании, можно разделить на две группы: **первоисточники** и **вторичные источники** (источниковедческому анализу посвящена первая глава работы).

К **первой группе** относятся собственно манихейские тексты на китайском языке, обнаруженные в дуньхуанском пещерном комплексе в начале XX в. Источников насчитывается три (все они более или менее фрагментарны): «Краткое изложение учения и обрядов Мани, Будды света», т.н. «Трактат Пелльо», «Гимны». Названия источников, разумеется, условны, за исключением, пожалуй, первого, два других названы соответственно по имени открывателя и публикатора — Поля Пелльо — в европейской научной традиции (китайские исследователи предпочитают называть текст, как очевидно, «Фрагментарным трактатом (или сутрой — на буддийский манер) религии Мани»), и по общей композиции текста (в западной науке закрепилось название «Свиток с гимнами»).

Ко второй группе относятся тексты вторичного характера хроники, летописные записи (религиозного характера — «Хроники буддийских патриархов» сунского автора Чжи Паня, «Краткое изложение истории буддийских монахов династии Великая Сун» буддийского историка XI века Цзаньнина), светские неофициальные записки («Записи о Фуцзяни» автора XVI в Хэ Цяююаня) и др

Степень изученности темы. В связи с комплексным историко-философским подходом к исследуемой проблеме в ходе работы привлекался широкий спектр трудов как отечественных, так и зарубежных исследователей. В теоретической части работы автор опирался на труды таких российских ученых, как В. В. Иванов, В. Н. Топоров, А. А. Бокщанин, В. В. Малявин, Е. А. Торчинов, А. В. Ломанов, А. И. Кобзев, Л. С. Переломов, А. Е. Лукьянов, С. А. Горбунова, Е. Б. Смагина, А. Л. Хосроев¹ и на исследования западных теоретиков культурологии и религиоведения, таких как М. Элиаде, Я. де Грот, С. Н. Ц. Лю, П. Брюдер, Г. Миккельсон и др.

Исследования делятся на четыре временных этапа

1 *Первый период (начало XX в — 40-е гг) — накопление материала и первые догадки*

Формально изучение манихейства в Китае начинается с дуньхуанских находок и публикации текста «Трактата» П. Пелльо и Э. Шаванном в 1912–1913 гг. Тем не менее, китайские исследователи (Ван Цзяньчунань, Линь Ушу) полагают, что пальму первенства следует отдать не французскому синологу, а цинскому ученому Цзян Фу, издавшему в 1909 г. в своей работе «Тексты из пещер Дуньхуана» «Краткий очерк распространения манихейства в Китае». Впрочем, и Цзян Фу имел предшественника — позднецинского автора Ян Жунчжи, писавшего о несторианской стеле («Исследование несторианских надписей на каменной стеле», 1895 г., где в одном из разделов упоминается манихейство). Идея статьи Цзян Фу была подана крупным китайским специалистом Ло Чжэньюем (сотрудничавшим, кстати, с Пелльо), который, собственно, первым издал «Трактат Пелльо» в 1909 г., озаглавив его «Фрагментарный трактат персидского учения».

¹ Нужно отметить, в частности, его последнюю работу А. Л. Хосроев История манихейства (Prolegomena) Источники и исследования СПб, 2007 (в данной работе не анализируется китайский аспект манихейства)

В 1912 г появляется исследование японца Ханэда Тору «О фрагменте трактата персидского учения», где он попытался отождествить это самое учение с манихейством. Примерно в то же время появляется работа П Пелльо и Э Шаванна (1912–1913 гг). Именно эту работу по изданию и обширнейшему комментированию текста «Трактата» академик В М Алексеев назвал «образцовой работой китаистов».

В 1921 г видный китайский филолог и деятель культуры Ван Говэй опубликовал статью «Исследование распространения манихейства в Китае», в которой привлек собранные им сведения из пяти исторических источников, посвященных манихейству, и добавил к упоминавшимся у Пелльо вторичным источникам еще одиннадцать. Именно Ван Говэй первым отождествил т н *чицай-шимо* ((喫菜事魔)² с манихеями. Кроме того, ему принадлежат три гипотезы относительно датировки начала манихейской деятельности в Китае (694 н э), о влиянии манихейского учения на народные восстания и на некитайское происхождение фуцзяньских манихеев.

В 1923 г крупный китайский историк Чэнь Юань издает статью, озаглавленную «Исследование проникновения манихейства в Китай», в которой он предпринял попытку рассмотреть манихейство в период правления династии ранняя Мин (XIV в), определить время проникновения учения в Китай (690–705 гг), выделил влияние уйгурского фактора в танском расцвете манихейства. Вскоре после этого, в 1923 же году П Пелльо опубликовал работу «Манихейские традиции в Фуцзяни», где попытался исследовать феномен манихейства в Китае в период с XI–XII до XIV вв (т е с династии Сун до династии Юань).

Завершают первый этап две работы: одна — японского исследователя Сигэмацу Тосиаки «К вопросу о манихействе и религии демонов (*моцзяо*) при династиях Тан и Сун» (1936), другая — китаяца Моу Жуньсуня «Манихейство сунского периода» (1938). Обе статьи посвящены скорее косвенному влиянию манихейства на народные движения, нежели самому манихейству, но следует отдать им должное: они первыми заговорили о связи манихейства с движением *чицай-шимо* и привлекли дополнительный вторичный материал.

2. Второй этап (40-е — 70-е гг XX в) — новые материалы

Работы военного и послевоенного периодов посвящены, в основном, *чицай-шимо* и их связи с манихейством, т е, по сути, продолжают

² Букв «есть постное и служить демонам»

начатую Сигэмацу Тосиаки и Моу Жуньсунсм тему взаимоотношения учения Мани с китайскими тайными религиозными обществами и сектами Первым, кто оживил эту тему, оказался китайский специалист по истории периода правления династии Мин и тайным обществам У Хань, издавший в 1941 г статью «Манихейство и империя Великая Мин», где выдвинул гипотезу о связи манихейства с буддийскими сектами «майтрейанского» (т е исповедующими грядущее царство буддийского Мессии — Будды Майтрейи) толка

Вопрос о манихействе в период династии Юань (1279–1368) затронул в своей статье «Манихейство, буддизм и христианство в Китае времен Марко Поло» в 1951 г австриец Л Ольшки, опирающийся на текст венецианского путешественника, который повествует о посещении им странной фуцзяньской секты, отождествленной Поло с несторианами, Ольшки предположил, что это могли быть манихеи В 1956 г китайский археолог Чжуан Вэйцзи издал статью об археологических изысканиях в районе Цюаньчжоу, в которой привел два новых материала, касающихся манихейства в период династии Юань надгробную надпись, посвященную несторианскому куратору манихеев в Китае и две стелы и скульптурное изображение Мани в храме в Хуабяо Данный материал послужил подтверждением гипотезе Л Ольшки о том, что манихейство в этот период существовало под эгидой несторианства Одновременно (60-е — начало 70-х гг XX в) поднимается (преимущественно в КНР) интерес к участию манихейства в восстаниях (статьи Син Юэ о сунском манихействе и его связи с народными движениями той эпохи, японца Тикуса Масааки о связи с выступлениями Фан Ла с манихейским верованием, Чжуан Чо, Чжу Жуси, Чэнь Гаохуа — в продолжение темы *чицай-шиммо* и манихейского влияния на них) Подобные исследования, по словам одного из современных китайских исследователей манихейства, представляли целое направление в науке (в основном, опять-таки, в КНР), в котором манихейство, *чицай-шиммо* и восстание Фан Ла слились в единое и нераздельное целое

3 Третий этап (2-я пол 70-х — 80-е гг) уйгурский фактор и интерес к позднему манихейству в Китае (XIV в)

Третий этап в развитии «китайской ветви» манихееведения характеризуется двумя моментами интересом к феномену уйгурского манихейства (в связи с распространением оногo в Китае) и изучением состояния учения Мани в позднейший период его существования в Поднебесной Тема уйгурского манихейства долгое время оставалась белым

пятном, пока, наконец, в 1978 году исследователем из КНР Гэн Шиминем не была опубликована статья «Начальные сведения о манихейских церковных текстах на уйгурском языке», где он проанализировал обнаруженные в 1954 году фрагменты манихейских монастырской и храмовой переписки, содержащей описание монастырского хозяйства

С 1981 по 1988 гг появилось (практически независимо друг от друга) пять статей китайских авторов, посвященных данной проблеме это статьи Ай Шанляня, Линь Ушу, Ян Шэнминя, Чэнь Цзюньмоу, и, наконец, совместная статья Ян Фусюэ и Нью Жуцзи

Предельно схематизируя, можно сказать, что вывод всех пятерых ученых сводится к следующему влияние уйгурского манихейства на проникновение вероучения в Китай было сильным, хотя и не исключительным (на юге Китая манихейство осуществляло проповедь независимо от уйгурского авторитета)

Ко второй половине 80-х гг относятся работы одного из ведущих китайских специалистов по манихееведению Линь Ушу, работы которого западные и китайские исследователи оценивают весьма неоднозначно

Подъем интереса к феномену китайского манихейства на западе начинается с конца 70-х гг, и наиболее видной фигурой здесь является английский исследователь китайского происхождения Сэмюэл Н Ц Лю (Samuel N C Lieu, Лю Наньцян) Занимаясь проблемами позднеантичной истории и контактов поздней Римской империи с Востоком, Сэмюэл Лю обратил внимание на феномен манихейства в Китае и посвятил ему несколько статей и монографий (наиболее существенные — «Религия Света введение в историю манихейства в Китае», изданная в Гонконге в 1979 году, и «Манихейство в Поздней Римской империи и в средневековом Китае исторический очерк» (Манчестер, 1985) Заслугой этого исследователя большинство ученых считает вывод о том, что фуцзяньское манихейство имело самостоятельные корни (т е проповедники прибыли в Южный Китай морем), и анализ позднего наименования учения как *минцзяо* (религия света) и связанные с этим запреты минского правительства

В 1985 г шведский исследователь Петер Брюдер выпустил работу «Китайская трансформация манихейства исследование манихейской китайской терминологии», где, анализируя три первоисточника («Краткое изложение учения и обрядов Мани, Будды света», «Трактат Пелльо» и «Гимны»), он приходит к выводу о том, что китайское мани-

хейство удивительно точно сохранило исходный принцип тождества (principle of identity) своему «ирано-сирийскому корню»

Китайские исследователи в этот период выпустили три непосредственно посвященных южнокитайскому манихейству работы: статью Чжуан Вэйцзи «Начальное исследование манихейства в Цюаньчжоу» (1983), где автор пришел к выводу о том, что фуцзяньское манихейство пришло в Китай через море, статью Хуан Шичуня «Обнаруженная в цзиньцзянском храме в Фуцзяни черная глазурованная тарелка [с надписью] “Общество религии Света”» (1985), в которой выдвигается гипотеза о том, что данная посуда могла принадлежать манихеям, и статью Чэнь Чанчэна «Манихейская стела с надписью, обнаруженная в Ханьцзяне, Фуцзянь» (1988), где анализируется стела с манихейским славословием (автор датирует ее периодом между 1315 и 1369 гг.)

4 Четвертый этап (с 90-х гг. по настоящее время) международные исследования

Из работ, появившихся в 90-е годы особенно следует отметить монографию Ван Цзяньчуаня «От манихейства к религии света (минцзяо)», где автор не только дает критический обзор предшествующих исследователей, но и предлагает совсем по-новому взглянуть на узловые проблемы данного вопроса. В 1997 году был переиздан (в дополненном варианте) сборник статей Линь Ушу «Манихейство и его распространение на Восток», Сэмюэл Лю издал собрание своих статей о китайском и центральноазиатском манихействе в 1998 году под заглавием «Манихейство в Центральной Азии и Китае». В девяностые годы прошлого столетия появился ряд работ исследователей из КНР, посвященных проблеме манихейства вообще и его китайского варианта в частности. В 1992 году была издана капитальная (почти полторы тысячи страниц!) работа китайских религиоведов Ма Сиша и Хань Бинфана «История китайских народных религий», в которых манихейству посвящено более семидесяти страниц и дан достаточно полный анализ манихейства в Китае (1992). Кроме этого были опубликованы статья Юй Ваньли по хронологии манихейских китайских текстов, историко-культурологический обзор Гун Фанчжэня, а также цикл статей Жуй Чуньмина и Ма Сяохэ. В 2003 г. Ма Сяохэ в соавторстве с Чжан Чжунда выпустили работу «Посланник Света манихейские иллюстрации». В целом же нужно заметить, что конец XX в. в манихееведении характеризуется большим, нежели ранее, сотрудничеством ученых, хотя исследования, все-таки, ведутся «двуполярно», т.е. в китайском манихее-

ведении пока еще сохраняется дифференциация на «восточное» направление (представленное, большей частью, исследователями из КНР) и «западное» (США, Бельгия, некоторые тайваньские ученые), хотя по сравнению с предыдущим этапом наблюдается меньшая разобщенность, особенно в связи с учреждением в 1990 году Международной Ассоциации манихейских исследований (International Association of Manichean studies, IAMS) и появлением журнала по данной дисциплине (Manichean studies newsletter), что, несомненно, позволяет вести более скоординированную работу исследователей со всего земного шара

В России, к сожалению, сколь либо полного исследования, посвященного именно китайскому варианту этого учения, пока еще не появилось (исключение составляет написанная В В Малявиным глава «Духовная культура» в авторской монографии «Китайский этнос в средние века (VII–XIII)», в которой, хоть и кратко, но достаточно информативно для неспециального исследования, описана история манихейства в Китае и дан краткий анализ отношений учения Мани и официальных китайских властей с учетом достижений современных европейских и китайских исследователей, а также сделанный в 1993 г в Санкт-Петербурге доклад А С Мартынова «Концепция «будды» в манихейских текстах»)

Положения, выносимые на защиту:

1 Сформирована новая область философско-религиозных исследований — манихееведение — в связи с археологическими открытиями начала XX в (дуньхуанские рукописи и т д)

2 Манихейство является философско-религиозным феноменом глобального характера и этим обусловлена специфика его философско-религиозной системы

3 Роль манихейства среди официальных философско-религиозных доктрин Востока и Запада в силу своего «глобализирующего» характера манихейство вызывало негативную реакцию официальных доктрины, что нередко приводило к преследованию и вытесняло манихейство на периферию Этот «маргинальный» характер учения был причиной зачисления манихейства в ряды подрывных тайных обществ и сект со стороны официальных властей

4 Манихейское учение направлено вовне, на распространение среди других философско-религиозных культур, стремление к объединению и инкорпорации любого философско-религиозного учения в манихействе, связанная с этим реакция господствующих систем (преследо-

вания, полемика) Синкретический характер манихейской системы, его роль в процессе инкультурации

5 Трактовка понятия инкультурации Применимость этого понятия к историко-философским исследованиям вообще, и к манихейству в Китае в частности Сам термин позаимствован нами из терминологического лексикона современных историков философии, религиоведов и культурологов В данном диссертационном исследовании под *инкультурацией* понимается такое «соприкосновение» различных культур, в процессе которого происходит усвоение одной (инородной) культурой элементов другой (местной), но при этом сохраняется «ядро», т е не происходит подмены или замены ее собственных элементов В этом отличие инкультурации от аккультурации, т е почти насильственное внедрение инородной культуры (или культурного элемента) в местную, причем первая занимает доминирующее положение

6 Манихейство в Китае является ярчайшим образцом инкультурационного процесса, показывая механизмы функционирования данного процесса (терминологическая адаптация, включение в канон даосских священных писаний, солидаризация с учением буддизма и т п) Именно этим обусловлена важность изучения именно китайского аспекта манихейства

7 Результат инкультурации манихейства в Китае проникновение в т н народное сознание (народный буддизм, народный даосизм), соответствие основных манихейских философско-религиозных концептов понятиям традиционной китайской мысли, легкость усвоения и использования манихейством китайских философско-религиозных терминов

Научная новизна работы состоит в том, что это впервые предпринятое историко-философское исследование на русском языке, посвященное комплексному изучению проблемы инкультурации такого философско-религиозного явления, как манихейство в Китае В научный оборот введены первоисточники (т н «дуньхуанские тексты». «Краткое изложение учения Мани, Будды света», т н «тракта Пелльо», «Гимны») В диссертации реконструируется процесс инкультурации китайского варианта манихейства, выявляются влияния местных традиций (в частности буддизма и даосизма) и рассматривается вопрос об участии манихейства в т н «синкретических» учениях (*чицай-шимо* и пр), строится парадигма методов адаптации учения Мани к китайской культуре

Практическую значимость данного исследования определяет, во-первых, восполнение лакуны в области истории философии и религий

Китая, а во-вторых — построение той парадигмы (или целого ряда парадигм), согласно которой осуществлялась инкультурация иностранных философско-религиозных учений. Это открывает в дальнейшем перспективы в изучении отнюдь неоднозначного явления *кросс-культурного* диалога цивилизаций Востока и Запада прежде всего — в философско-религиозной сфере как в средние века, так и в новое и новейшее время. Данное историко-философское исследование может быть полезно при составлении курсов и тематических лекций для высших учебных заведений по истории философии, религии, культуры Китая, при анализе философско-религиозной, интеллектуальной, социальной и культурной жизни средневекового Китая. Осуществленный перевод и исследование китайских манихейских текстов вносит вклад в присутствующую отечественной науке традицию бережного отношения и собирания письменных памятников Востока.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования отражены в пяти публикациях общим объемом 2,8 а л (две из них — в журналах из списка журналов рекомендованных ВАК РФ, общий объем — 1,7 а л), в принятой к печати монографии (8 а л), а также в докладах на ежегодных всероссийских конференциях «Философия Восточно-азиатского региона и современная цивилизация» Института Дальнего Востока РАН.

Структура диссертации. Диссертационная работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии, а также приложения, содержащего перевод двух манихейских китайских памятников (общий объем исследования — 7, 8 а л).

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность избранной темы исследования, методологические принципы, формулируются объект и предмет, цели и задачи исследования, обосновывается научная новизна и практическая значимость полученных результатов проведенного исследования.

В **первой главе** «Источниковедческий и историографический анализ в аспекте изучения манихейства» подробно рассматривается и анализируется источниковедческий и историографический аспекты историко-философского изучения манихейства, выделяются типы первичных и вторичных источников, особое внимание уделяется обнаружению

аутентичных манихейских материалов, обнаруженных в XX веке, приводится аннотированная классификация исследований, посвященных теме данной работы — манихейству в Китае, его особенностям и специфике адаптации к местным условиям. Как было подробно показано выше, в первой главе выделяются четыре этапа исследований: 1) начало XX в. — 40-е гг. — этап накопления сведений о манихействе в Китае, публикация и переводы на европейские языки (преимущественно, на французский) основных манихейских китайских первоисточников (труды Э Шаванна и П Пельо), 2) 40-е — 70-е гг. — время исследований манихейства в контексте китайской средневековой культуры и — преимущественно исследователями из КНР — постановка пока еще окончательно неразрешенной до сих пор проблемы участия манихейства в тайных обществах типа «Общества Белого лотоса» и подобных миллениаристских «маитрейянических» сектах, 3) вторая половина 70-х — 80-е гг. ознаменованы тем «уйгурским вопросом» — проблемой уйгурского манихейства и его возможного влияния на положения манихейства в Китае, 4) с 90-х гг. по настоящее время — этап международного научного сотрудничества, создание Международной ассоциации исследований по манихейству (International Association of Manichean studies, IAMS), выпуск (продолжающийся) «Словаря манихейских текстов» (справочно-энциклопедического издания, обобщающего весь доступный на настоящий момент корпус манихейских первоисточников на разных языках: сирийском, латинском, греческом, арабском, тюркских, среднеперсидском, китайском) и, что представляет собой определенную веху в истории изучения столь сложного и многоаспектного феномена как манихейство, составление аналитической «Библиографии по манихейству», ведущим западноевропейским специалистом (кстати, специализирующимся именно на китайском варианте манихейства) Гуннером Миккельсоном³.

Вторая глава «Исторический очерк распространения манихейства» посвящена краткому (в рамках данной работы), но по возможности информативному изложению зарождения учения, его системе и истории распространения на западном направлении (в данном случае западным, с определенными оговорками, считается территория Западной Римской империи, Византия с малоазийскими областями, Балканы, Ближний

³ *Mikkelsen, Gunner* Bibliographia manichaica a comprehensive bibliography of manichaeism through 1996 Turnhout 1997

Восток, и — в средневековье как область производных от манихейства течений, таких как катары, альбигойцы и пр — территория Западной Европы)

Первый параграф посвящен личности основателя учения — персидскому пророку сирийского происхождения Мани (216-276)

Во втором параграфе подробно излагается философско-религиозная система учения Мани, канон священных книг, составленных основателем учения и сведения литургического характера (праздники, система организации богослужений, духовная иерархия)

Третий параграф по возможности сжато, но информативно излагает историю распространения манихейства на западе Римской империи, в Северной Африке, в Византии, на Балканах, в странах Закавказья (в Армении и Грузии), описывает первые столкновения этого учения с официальной светской и духовной властью, конфликты с христианской церковью, поставившей новое учения на уровень *religio illicita*, т е по сути обрекшей манихейство на маргинальное существование в виде ереси, на которую (не всегда заслуженно) обрушивался гнев церковных и светских властей. Линия преемственности манихейства прослеживается и в более позднее время, особенно на юге Франции, в связи с движениями альбигойцев и катаров

В третьей главе «Эволюция философско-религиозной системы манихейства в Китае» подробно рассматривается и анализируется история проникновения этого учения в Поднебесную и делается попытка определить стратегию *инкультурации* манихейства в культурно-социальное тело китайского средневекового общества

Первый параграф посвящен проблеме датировки проникновения манихейства в Китае. Наиболее вероятной датой в настоящее время большинством исследователей признан период правления танского императора Гао-цзуна (650—684), т е вторая половина VII в. Версия о более раннем этапе, появлении учения в Китае в до-танскую эпоху (т е до VII в), большинством современных авторитетных исследователей отбрасывается как искусственно притянута

Во втором параграфе рассматривается первый этап присутствия манихейства в Китае и анализируются причины успеха этого учения при дворе императрицы У Цзэтянь и начала гонений при Сюань-цзуне. Причины, как кажется, заключаются с одной стороны в политике У Цзэтянь, ориентированной на контакты с иностранными купцами (а именно

через них в основном транслировались философско-религиозные идеи), а с другой — в про-буддийской ориентации Сюань-цзуна и соответственно негативном отношении к не-буддийским учениям, в частности, к манихейству (запрет на проповедь среди китайского населения, но разрешение практиковать учение среди выходцев из Центральной Азии, согдийцев)

Параграф третий посвящен феномену уйгурского манихейства (762-830 гг), сыгравшего немалую роль в новом этапе развития манихейства в Китае Уйгуры, принявшие манихейство в качестве государственной религии, помогли китайскому правительству в подавлении мятежа Ань Лушаня, в результате чего религия «освободителей», вскоре ставших нежеланными гостями в Китае, заняла официальное место в истории Китая (было разрешено строительство нескольких манихейских храмов на территории Поднебесной), однако с падением Уйгурского каганата под ударами кыргызских войск для манихейства начался период гонений

В четвертом параграфе рассматривается период гонений на манихейство в Китае при императоре У-цзуне (841–847) Одни исследователи датируют начало гонений первым годом эры правления под девизом Хуй-чан (841 г — в частности, Чэнь Юань и Оно Кацутоси), когда был издан императорский рескрипт, «временно» (читай — окончательно) закрывавший святилища «мони» (т е манихеев) в связи с беспокойной обстановкой в Уйгурском каганате, переживавшем свои последние дни, другие ученые (в основном тандем Пельо–Шаванна) полагают, что это была вторая половина второго года правления под девизом Хуй-чан (т е 842 г) Западные исследователи видят в этом и других эдиктах не в последнюю очередь причину экономического характера поскольку рескрипты предписывали не только закрытие храмов, но и конфискацию имущества (денег, священных изображений, сделанных из драгоценных металлов и камней, различного рода пожертвований), то это, помимо «ксенофобского» настроения танского правительства, объяснимо еще и корыстными интересами, поскольку уйгурские купцы, нередко совершавшие сделки в святилищах, слыли самыми жадными Наиболее «действенным» и жестоким проявлением антиманихейской политики периода Хуй-чан считается убийство 72 монахинь-манихеек в 843 г. Факт умерщвления манихейского духовенства подтверждается и сторонним, незаинтересованным наблюдателем, японским паломником-буддистом Эннином в его «Путевом дневнике паломничества в танский Китай в

стремлении усвоить буддийское учение» он, в частности, описывает, что манихейским священнослужителям обрили головы и облачили их в буддийские одеяния

Пятый параграф посвящен манихейству в период Пяти династий (907–959), когда проповедники учения начинают перебираться на юг Китая (Цюаньчжоу, Фуцзянь)

В **шестом параграфе** рассматривается манихейство 1) при династии Сун (960–1279) в этот период происходит внедрение в одну из версий даосского канона «Дао цзан» нескольких манихейских текстов (недошедших до нас, но засвидетельствованных в перечнях содержащихся в «Дао цзане» текстов) и появляется ряд текстов, — как конфуцианских, так и буддийских авторов, — содержащих полемику против манихейства как еретического движения, смущающего умы простого народа и незаконно называющего себя буддийским учением Манихейство вновь оказывается на уровне гонимой секты, 2) при монгольской династии Юань (1280–1367) — наиболее интересны сообщения Марко Поло о том, что в этот период манихейство существует по патронажем несторианского епископа, к этому же периоду относится и возведение храма в провинции Фуцзянь — единственного дошедшего до нас архитектурного памятника манихейства, в целом этот период характеризуется толерантным отношением власти к манихейству, 3) при династии Мин (1368–1644), когда официальное положение манихейства критически ухудшается, т.к. тогдашнее наименование учения — «мин цзяо», учение света, включает в себя иероглиф «мин», входящий, к несчастью для манихеев, в девиз правления новой династии, что официальными властями рассматривается как попытка узурпации наименования династии и, следовательно, покушения на власть. Начинается период жестких и окончательных гонений на манихейство в результате этого оно окончательно перебирается на юг страны, где постепенно и растворяется (но не исчезает) в локальных культах (что датируется примерно XVI в.)

Четвертая глава «Структурный анализ процесса инкультурации манихейства в Китае (в контексте китайских манихейских текстов)» посвящена историко-философскому семантико-терминологическому анализу основных манихейских китайских памятников. Цели и методы анализа инкультурационного процесса рассматриваются в **первом параграфе**, где даются принципы и направления комплексного анализа инкультурационного процесса манихейской проповеди в Китае. Как уже

говорилось, феномен инкультурации манихейства может быть критически и всесторонне исследован историко-философской наукой только при помощи комплексного (многостороннего) подхода, предполагающего в первую очередь работу с аутентичными текстами (первоисточниками) В связи с этим целесообразным представляется выделить два взаимодополняющих метода, позволяющие выявить механизмы функционирования столь сложного культурного явления, как инкультурация Во-первых, это сравнительно-исторический метод, опирающийся по преимуществу на автохтонные (местные) письменные памятники полемического и хроникального характера (в данном случае — антиманихейские трактаты, хроники, исторические записки, для иудео-христианского региона — всевозможные абьюративные формулы и чины перехода и т п) и дающий возможность реконструировать *status quo* манихейства в той или иной стране как в юридическом (легальное, либо иллегальное положение), так и в философско-религиозном аспектах (сопротивление местной доминирующей религии, либо ее слияние или подавление манихейством) с учетом социально-исторических условий времени Данный метод иллюстрирует отчасти вторая и целиком третья главы диссертации

Во-вторых, метод семантического анализа, имеющий дело непосредственно с первоисточниками (а именно — с манихейскими китайскими текстами) и позволяющий а) проанализировать оригинальный манихейский текст (на китайском языке) с точки зрения аа) композиции и стилистики, аб) смыслового содержания (в компаративном освещении, т е сопоставляя с аналогичными сюжетами в иноязычных манихейских памятниках, напр , на коптском, тюркских, латинском и греческом языках), ав) терминологии (т е провести семантический анализ специфических китайских терминов, нагруженных манихейским смыслом), и б) на основании этого реконструировать (с учетом данных, полученных при помощи сравнительно-исторического метода, отражающих, так сказать, «внешнюю» сторону процесса) механизмы и стратегию инкультурации манихейства в инокультурную сферу С учетом всего вышесказанного уместным представляется определить и структуру анализа текстов («Краткое изложение », «Трактат Пельо» и «Гимны») Изучение каждого произведения строится по трехчастной модели (композиционно-стилистический — семантико-содержательный — терминологический анализ), которая помогает, во-первых, рассмотреть текст сразу на трех уровнях (дать его трехмерную модель), и, во-вторых,

проследить взаимосвязь и преемственность всех трех компонентов. Анализ каждого произведения предпосылается краткая общая характеристика текста (текстологические данные, инвентарный номер в коллекции и т.п.)

Второй, третий и четвертый параграфы посвящены непосредственно лексико-семантическому анализу трех основных манихейских китайских текстов («Краткое изложение», «Трактат Пельо» и «Гимны» соответственно), приводятся сопоставительные таблицы среднеперсидских, латинских и греческих соответствий китайским философско-религиозным терминам, что дает возможность увидеть соблюдение т.н. «принципа тождества», т.е. сохранения манихейской доктрины в относительно чистом виде сравнительно с исходным вариантом учения, несмотря на все возможные трансформации, происходящие в процессе инкультурации.

В заключении на основании данных, полученных в результате комплексного анализа материала (первоисточников и опосредованных, вторичных источников), предпринимается попытка прояснить и более точно сформулировать понятие инкультурации и выделить методы и стратегии ее осуществления на примере манихейства в Китае. Авторская позиция выражается в том, что целесообразно дать определение инкультурации *a contrario*, через сопоставление с его оппозицией, аккультурацией. В общем можно выделить два типа соприкосновения культур — аккультурация и инкультурация. Под аккультурацией понимается процесс внедрения культурной традиции извне в инородный социально-культурный контекст, причем первая при слиянии с автохтонной культурой занимает доминирующее положение. Инкультурацией принято считать соприкосновение различных культур в такой форме, что в процессе ассимиляции инородные свойства привнесенной культуры либо исчезают, либо приобретают автохтонный вид. Кроме того, некоторые исследователи предлагают рассматривать инкультурируемую традицию (например, христианство в Китае) в трех аспектах: а) **контекстуализированном**, т.е. когда автохтонные системы и понятия используются для трансляции и объяснения инородного учения, б) **автохтонном**, когда в инкультурируемое учение начинают проникать автохтонные элементы, и зачастую следующее поколение проповедников уже не может вычленить местные черты как несвойственные инкультурируемому учению, и в) **местно-укорененном**, когда происходит взаимопроникновение, т.е. элементы инородной культуры естественно про-

никают в местный культурный контекст, а местные представления достаточно плотно пронизывают эту инородную инкультурируемую культуру. Наиболее сложно четко дифференцировать два последних аспекта, т.к. они достаточно тесно связаны между собой, а, скорее всего, представляют собой последовательные стадии одного аспекта. Исходя из всего этого, нам представляется необходимым внести некоторые поправки и дополнения к данной схеме. Рассматривается процесс инкультурации в Китае на примере манихейства, которое в течение ряда веков просуществовало в этой стране, выжив в многочисленных войнах и религиозных преследованиях, и более того, оставило письменные памятники на китайском языке, что свидетельствует о достаточно успешной миссионерской деятельности, т.к. наличие текстов на китайском служит прямым доказательством, что манихейство ориентировалось не на узкие этнические группы (например, выходцев из Согды, Парфии и т.д.), а на синоязычное население.

Три вышеприведенных аспекта разумно будет рассматривать как последовательные стадии инкультурационного процесса, а не как дискретные пункты проповеднической деятельности, не связанные или слабо связанные друг с другом. В аспекте исторического процесса манихейство, как и любые философско-религиозные феномены, представляет собой вторичную моделирующую семиотическую систему, создающую единую картину, которая отражает глобальное видение мира с позиций какого-либо сообщества. Далее, как и любая религиозная система, манихейство обладает набором определенных культурных, или *идеологических* кодов (*идеокодов*). Автор разделяет точку зрения отечественных исследователей, которые представляют их обычно в виде бинарных оппозиций [например, В.В. Иванов, Н.Топоров 1965]. В данном случае, наиболее ярким образцом выступает манихейский «бином» *свет-тьма*, который оказывается универсальным для всех вторичных моделирующих систем (во всех мифологических или философско-религиозных представлениях практически всегда присутствует данная бинарная оппозиция). Это позволяет сделать вывод о наличии в манихейской доктрине некоторых универсальных идеологических кодов (уже упомянутые оппозиции *свет-тьма*, *чет-нечет* и т.д.), что оказывается достаточно важным для выявления структуры процесса инкультурации данного учения не только в Китае, но и в других регионах, часто достаточно отдаленных друг от друга как географически, так и в культурном плане (Балканы, Армения, Африка, Палестина, Иран).

На основании этого мы можем существенно уточнить понятие инкультурации применительно к манихейству. Итак, инкультурация — это процесс вхождения иноземной философско-религиозной системы (инкультурант) в культурное поле той или иной страны (инкультурат) путем первоначального наложения, а затем и перекодировки своих универсальных идеокодов на идеокоды этого региона (при этом инкультурант, в данном случае манихейство, сохраняет т.н. «принцип тождества»). Соответственно, в зависимости от удачности или неудачности подобной миссионерской «перекодировки», философско-религиозная система-инкультурант либо проходит «контекстуальный» и «автохтонный» уровни, после чего прочно входит в культурное поле страны-инкультурата и успешно сосуществует с прочими религиозными системами (а иногда может и доминировать, или вовсе вытеснять их, ср., например, манихейство в Уйгурском каганате), либо терпит фиаско на «контекстуальном» уровне (неудачи в переводах, резкое сопротивление господствующей религиозной системы) и исчезает (возможен вариант — вливается в некое маргинальное, еретическое по отношению к доминирующей ортодоксии, течение и, опять же, а) либо растворяется в нем, б) либо мутирует (например, адсорбция манихейства в движении тондракитов, катаров и т.д.))

Применяя данную схему к манихейскому процессу инкультурации в Китае, нам удалось проанализировать в нем следующие этапы

1) проникновение манихейства в Китай (т.н. этап установления контакта) — VII в.,

2) начало «контекстуализации» — манихейство пытается сделать выбор между буддизмом и даосизмом, стилизуясь как под первый, так и под второй (VIII–X вв. — соответственно трем дошедшим до нас памятникам «Краткое изложение учения Мани, Будды света» (VIII в.), «Трактат Пелльо» (X в.) и «Гимны» (IX в.)) Именно эти памятники, как уже было сказано в Главе 4 данной диссертации, свидетельствуют о выборе в пользу буддизма как автохтонного кода, под который следовало перекодировать свои идеокоды, однако эти данные не дают повода отметить и «даосскую» версию манихейства, о чем имеется масса косвенных свидетельств (хроники, доклады, полемические сочинения, см. Главу 3),

3) развитая «контекстуализация» (XI–XIV вв.) — манихейство существует под эгидой одного из буддийских течений (правда, признаваемых официальными буддистами еретическим),

4) переход к автохтонному уровню (XIV–XVII вв.), когда манихейство полностью перебирается на юг Китая и в своем аутентичном виде сохраняется, вероятно, до начала XVII в., после чего сливается или растворяется в каком-либо локальном культе

В результате проведенного комплексного анализа стало возможным объяснить причину столь долгой живучести манихейского учения и его тенденций к глобальному распространению. Набор некоторых универсальных идеологических кодов (оппозиции *свет-тьма, добро-зло*), своего рода «уникальной отмычки» позволил проповедовать (с определенным успехом) среди различных народов, социальных классов и полов (сам Мани не раз говорил о своем учении как о восстановлении некоей пра-религии, некоего универсального философско-религиозного архетипа, общего для всех людей), а во-вторых творческий подход манихейских миссионеров, осваивавших культуру, язык и религиозная система страны-инкультурата и старавшихся вычлениить наиболее общие и важные идеологические коды

Основные выводы и положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

в журналах, рекомендованных ВАК РФ

1 Феномен инкультурации манихейства в Китае (философские аспекты диалога культур Запада и Востока) // *Обсерватория культуры*, №6, 2008

2 Инкультурация манихейского учения в китайском социуме // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия»* 2008, № 3 С 44–55

в других изданиях

3 Источниковедение и историография манихейства в Китае (обзор западных и китайских исследований) // *Проблемы Дальнего Востока* 2/2007 С 144–158

4 К проблеме феномена манихейства в Китае // XII Всероссийская конференция «Философия Восточно-азиатского региона и современная цивилизация» (Москва, 22–23 мая 2006), вып. 14. Институт Дальнего Востока РАН С 193–208

5 Манихейство // *Духовная культура Китая. Энциклопедия в пяти томах. Мифология. Религия*. М., издательская фирма «Восточная литература», 2007 С 329–331

6 Манихейство в Китае: опыт историко-философского исследования. М., ИДВ РАН, 2008. 164 с.

Подписано к печати 15 10 2008 г
Печ л 1,6 Тираж — 100 экз Заказ № 29
Печатно-множительная лаборатория
Института Дальнего Востока РАН
Москва, 117997, ГСП-7, Нахимовский пр-т, 32
www ifes-ras ru